

Вербальные стереотипы поведения и коммуникации удмуртов: *каллен* и *марым*

Одним из аспектов анализа национально-культурной специфики речевого поведения является изучение постулатов, максим, принципов и правил общения. Последние находят свое конкретное воплощение в соответствующем этнокультурном контексте. Коммуникативные правила и постулаты существенным образом влияют на успешность общения, адекватность понимания собеседниками друг друга, «комфортность» общения; неудачи во многом могут объясняться незнанием или неприятием соответствующих национально-культурных коммуникативных постулатов.

Постулаты речевого общения во многом производны от норм и ценностей культуры и детерминированы ими; они тесно связаны с обычаями, предрассудками, религией, социальными нормами, этическими убеждениями народа.

Коммуникативное поведение удмуртов детально не изучалось. Имеется ряд работ, тематических сборников, которые так или иначе освещают данную проблематику: коллективные монографии под ред. Г.К. Шкляева (1992, 1998); монографии по этнической психологии Г.К. Шкляева (2003), народной педагогике Г.А. Никитиной (1997), проблемам удмуртской ментальности А.Н. Петрова (2002), по проблемам социализации И. Поздеева (2007); ряд статей Л.С. Христолюбовой, В.Е. Владыкина, Т.Г. Владыкиной и др., а также кандидатская диссертация Т.Н. Русских (2012). В публикациях содержатся отдельные упоминания о некоторых отличительных чертах, проявляемых в коммуникативном и, в частности, в речевом поведении удмуртов. Отмечается скромность, сдержанность в проявлении чувств, даже скрытность. Подчеркивается, что удмурта чрезвычайно трудно втянуть в разговор [7: 173]. Кроме того, авторы особо выделяют и тот момент, что в удмуртской народной этике считается предосудительным открыто и экзальтированно выражать свои чувства, громко разговаривать, усиленно жестикулировать и мимировать.

Интуитивно ощущаемые признаки скромности, сдержанности, придающие речевому общению отпечаток национально-культурной специфики, в принципе могут быть представлены в виде некоторого набора максим, которые навязывают индивиду данный тип поведения, что в итоге отражается на лингвистических характеристиках произносимых текстов. К таким относятся слова *каллен* и *марым*. Их употребление, на наш взгляд, напрямую связано с менталитетом народа, его обычаями, стереотипами поведения. Зачастую имеет место страх перед взглядом и завистью.

Лексема *каллен* используется в значении 'тихо, медленно; осторожно; потихоньку, полегоньку || тихий, медленный, медлительный; осторожный || медлительность; осторожность'.

Другая лексема *марым* является модальным словом, употребляется в устной речи для заполнения пауз при не нахождении нужного слова и переводится 'как это сказать, как его там'. Например: *марым карыны* 'что-то делать'; *ми, марым, дорады лыктъм* 'мы, как это сказать, к вам пришли'; *тон марым кар, отчы ветлы* 'ты, вот что, сделай: сходи-ка туда'.

Использование данных лексем характерно для фатического общения между индивидами, которое предшествует основному содержанию беседы, разговора. Как правило, оно носит в определённом смысле ритуальный, обязательный характер. Подобная форма общения используется в целях поддержания контакта из вежливости, уважения, ради соблюдения приличий, в ряде случаев, чтобы заполнить паузу, прервать молчание. Данная фраза может быть выражена в виде максимы: «Не приступай сразу к деловой части разговора, соблюдай ритуальные формальности».

В речевом поведении удмуртов соблюдение норм метакоммуникативного общения является, пожалуй, одним из важнейших его составляющих. Ситуации, в которых возникает необходимость использовать нормы фатического общения, весьма многочисленны. К ним, например, относятся повседневные встречи на улице, краткие визиты, приглашение в гости, за стол; ситуации, когда два человека остались наедине в ожидании чего или кого-либо, а также при совершении некоторых обрядов.

К типичным темам неинформативного общения относятся разговоры о новостях, здоровье, погоде, состоянии скота, видах на урожай и т.д. Темы разговора зависят от социального положения собеседников, их образовательного и культурного уровня, степени родства, пола, возраста. Также имеет значение длительность знакомства или его отсутствие, личные взаимоотношения собеседников, давность встречи, время года, дня и т.д.

Формулы фатического общения удмуртов следуют сразу за приветствием, а нередко заменяют его. Например, стариков приветствуют таким образом: *Ветлӱськод-а на?* 'Ещё на ногах, т.е. здоров, всё в порядке?', на что следует ответ: *Кален* 'Потихоньку' [7: 175]. Старшие по возрасту спрашивали младших при встрече: *Я, мар уни? Кыхе мар улӱськод?* 'Как живёшь, поживаешь?'; на что отвечают: *Немыр кӱкл / кален* 'Ничего' [7: 175]. Употребляется в ситуациях, когда необходимо ответить на вопрос, например: «*Кыхе ужсьёсты?*» 'Как у вас (идут) дела?'. В этом случае, как правило, последует ответ: «*Кален мыно*» 'Потихоньку, мало-помалу идут'. Данная реплика может быть воспринята неоднозначно, если тот, кто задаёт вопрос, не является носителем данного языка, особенно для представителей западного типа мышления, потому что *кален* – это плохо, не очень хорошо и медленно. А западный человек ориентирован на успех. Например, психологические установки для аутотренинга требуют обязательного положительного ответа (хорошо, замечательно, превосходно, отлично, лучше всех). Техника НЛП и кодирование на успех дают, как правило, положительный результат. Получается, что удмурты заранее программируют себя на неуспех. Возможно, поэтому так мало

среди удмуртов успешных людей. Кроме того, в удмуртском языке есть пословица *каллен но азьтэм – агаен вынъёс* ‘лень и медлительность – братья’.

Для удмурта такой ответ будет естественен, так как стереотипы поведения и общения не допускают распространяться о своих успехах, дабы не сглазить, а подобный ответ совершенно ни к чему не обязывает. Следует отметить, что так удмурт ответит и при коммуникации на другом языке, чем может вызвать недоумение или порицание, например, начальника.

Как и в русском языке, в удмуртском имеется пословица *каллен мынод – логгес вуд* [10: 43] (букв. ‘тихо пойдёшь – раньше придёшь’), то есть ‘тише едешь – дальше будешь’, которая показывает положительное отношение к основательному выполнению тех или иных действий или процесса, и, соответственно, отрицательное отношение к поспешности.

Иногда данное качество – медлительность – в человеке осуждается: *но туж каллен ук!* ‘уж очень тих/медлен (медлителен)’; или поговорка *майсы кадь каллен, шккыч кадь кескич* ‘тих как шмель, хитёр как шершень’, которые также указывают на характер народа, создавшего их. Но самым интересным является следующее выражение – *каллен-каллен удмурт сямен* (букв. ‘потихоньку-потихоньку по-удмуртски’).

Переходя к описанию модального слова *марым* следует отметить, что его употребление в удмуртском языке зачастую связано с таким явлением как языковая игра. Механизм игры «строится на моделировании языкового парадокса, на нарушении стереотипных форм выражения мысли, на осознанном отступлении от узуального употребления языкового знака с целью создания игрового дискурса» [11: 721]. Некоторые исследователи соотносят ее с каламбуром, которое представляет собой «юмористическое или сатирическое средство, основанное на преднамеренном и неожиданном соединении в одном контексте различных значений одного слова, омонимов или сходных в звучании слов (паронимов). Каламбуры используются с целью создания художественного образа, иронической ситуации, комического эффекта. Особенность каламбура – лаконизм и неожиданный поворот мысли. Слово, которое обыгрывается в каламбуре, особо подчёркивается» [11: 233].

В удмуртском языке довольно часто в разговоре встречается следующий каламбур: *марым кылем арын кулэм* ‘это было уже давно’ (букв. «марым» умер в прошлом году). Обычно это реплика на ожидание ответа, когда рассказчик не может подобрать нужное слово или ухватить нить повествования и делает долгую, затяжную паузу. Или отвечают: *марым – турын* ‘марым – трава’, где рифмуется по созвучию два слова.

Или *марымлэн марымез трос* (букв. ‘у этакого этакого много’) ‘так сказать’ [10: 73]; *Марым пулэн куинь куараез* (букв. ‘у «этакого» три слова (после слова «так сказать» ещё надо три слова)’) ‘авось, небось, да третий как-нибудь’ [10: 73]. Такая игра слов является разновидностью языковой игры, «закрывающаяся в обыгрывании различных лексических явлений, в трансформации семантики и состава слов и фразеологизмов» [11: 201].

Широко используются данные лексемы в текстах устного народного творчества – песнях, заговорах, поговорках, фразеологизмах и т.п. Как правило, они выступают в роли эвфемизмов, то есть слов или выражений, которыми заменяют нежелательные, грубые, слишком резкие или нетактичные названия, маскируют их [11: 702], а также табуированных слов сексуально-эротического плана. Возникновение табу обусловлено верой древних людей в магическую силу слова, в его способность непосредственно воздействовать на человека. В современных языках табу связано с культурными, этическими или эмоциональными факторами, и связано с запретом употреблять те или другие слова, выражения, собственные имена и др. Нельзя, например, употреблять нецензурные и бранные слова и многое другое [11: 634].

Более того, исследователь М.М. Маковский доказывает, что именно табу оказало неизгладимое влияние как на формальную структуру языка, так и на его семантику. Он подчёркивает, что строение корня в индоевропейских языках непосредственно связано с количественными и качественными запретами, налагаемыми табу: наличие, отсутствие и вариация преформантов, различие детерминативов в одном и том же корне, метатеза, анаграмма, тмезис, эллипсис – вот некоторые результаты действия табу на форму слова. В области значения в древнем слове преобладает синкретизм метафор; цель метафоризации – скрыть "божественные" первоначения, связанные с основным мифом о создании Вселенной. Запрещая, ограничивая деятельность человека, табу имело и обратное действие, оттачивая человеческий разум, вскрывая антимиры, антитела, порождая антиметафоры. Все основные процессы в языке неизменно связаны с диалектикой запрета и снятия запрета, которые неотделимы друг от друга. Учёный раскрывает механизм табуирования изнутри, выявляет определенные алгоритмы, в рамках которых действовало и до сих пор действует табу. Его следы можно и сейчас обнаружить во всех сферах деятельности человека, в особенностях человеческой культуры, ментальности и духовности вообще, в образности мышления и различии "картин мира" [2].

Приведём пример, связанный с обрядом *нуны сюан* (букв. свадьба новорождённого), где слова напева представляют игру слов:

Гур вылын тисэй чечча, гурвыл пкёсьлы чидатэк.

Марым шорын марым чечча, марым пкёсьлы чидатэк.

[12: 33]

(На печи кошка скачет, не стерпев жара печи.

В центре «этой» «этот» скачет, не стерпев жара «этой»).

Так иносказательно описываются мужские и женские детородные органы, эвфемизируются функции детородия и плодородия (по устным рассказам, в некоторых южных районах республики лексема используется для обозначения индивидов нетрадиционной ориентации).

В прямом значении употребляется в названии учебника удмуртского языка для начинающих «*Марым, лэся...*» («Кажется, однако...») (авторы – И.В. Ганеев, Ю.А. Перевозчиков), что, в свою очередь, так же является показательным для удмуртского менталитета.

Таким образом, соблюдение метакоммуникативных норм было одним из важнейших элементов в семейных обрядах удмуртов [7: 177]. Мы можем с уверенностью сказать, что для удмуртского речевого этикета характерно косвенное, иносказательное выражение мыслей и желаний, которое можно выразить максимой: «Старайся мягче, осторожнее выражать свои мысли и желания, избегай прямых и резких формулировок». Это подтверждается наличием в стандартных ситуациях речевого поведения удмуртов большого «удельного веса» косвенных высказываний, намёков, стилистических фигур, призванных смягчить или затушевать содержание сообщения... [7: 179]. В противном случае прагматическая интерференция будет выражаться в непривычной для удмурта прямоте, резкости, «торопливости» беседы, в непонимании или неприятии её обычных условностей. Следующий момент – это некоторая отстранённость личного «я» собеседников, стремление не выражать громко и открыто своих эмоций, т.е. не надо много говорить о себе и своих близких, надо избегать публичного выражения своих чувств и эмоций. Поэтому часто собеседники, на первый взгляд, нарочито уничижительно отзываются о своих делах. Это диктуется тем, что обычно не принято во время разговора не только хвалить, но и часто упоминать себя и своих близких, особенно детей. Вместе с тем предосудительным считается и дурно высказываться о других, осуждать кого-либо. В подчёркнутой небрежности, упоминая о себе и близких, часто скрывается радость и гордость за них. Само проявление эмоций также достаточно специфично [7: 180]. А лексемы *каллен* и *марым* как раз и помогают справиться с данными задачами.

Выявление подобных единиц делает язык интереснее и богаче. Для исследователя открывается огромное поле деятельности для выявления языковой картины и особенностей менталитета народа.

Литература и источники

1. Ганеев И.В., Перевозчиков Ю.А. Марым, лэся...: Учебник удмуртского языка для начинающих. – Ижевск, 2005. – 203 с.
2. Маковский М.М. Феномен ТАБУ в традициях и в языке индоевропейцев: Сушность – формы – развитие. Изд.4. – М.: УРСС, 2012. – 280 с.
3. Никитина Г.А. Народная педагогика удмуртов. – Ижевск: Удмуртия, 1997.
4. Об этнической психологии удмуртов. Сборник статей / Сост. и отв. ред. Г.К. Шкляев. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1998. – 143 с.
5. Петров А.Н. Удмуртский этнос: проблемы ментальности. – Ижевск: Удмуртия, 2002. – 144 с.
6. Поздеев И.Л. Этническая социализация в доиндустриальном и современном обществе: опыт и проблемы преемственности (на примере удмуртского этноса): монография / Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2007. – 232 с.
7. Поздеева И.П., Трофимова Е.Я., Троянов В.И. Национально-культурная специфика постулатов речевого общения удмуртов // Традиционное поведение и общение удмуртов: Сборник статей / Отв. ред. Г.К. Шкляев. –

- Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1992. – 192 с.
8. Русских Т.Н. Виды коммуникаций в поведенческих стереотипах современных удмуртов. – 2012. (рукопись).
 9. Шкляев Г.К. Очерки этнической психологии удмуртов: Монография / Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН. – Ижевск, 2003. – 300 с.
 10. Средства образного выражения в удмуртском языке / Составитель К.Н. Дзюина. – Ижевск. – Ижевск: Удмуртия, 1996. – 144 с.
 11. Стариченок В.Д. Большой лингвистический словарь. – Ростов на/Д: Феникс, 2008. – 811 с.
 12. Анисимов Н.В., Вершинина Е.Б., Пчеловодова И.В. Тӱгӱрмен гурӱс. – Ижевск, 2011. – 96 с.
 13. Удмуртско-русский словарь. – Ижевск, 2008. – 925 с.